

#Забывать нельзя

След в судьбе, оставленный войной.

75-летие Великой Победы – праздник всенародный. Сегодня военным и гражданским подвигом своих дедов и прадедов восхищается и гордится молодёжь. А это значит, что эстафета поколений продолжается!

Е.Бизин (учитель Л.Н. Сафронова)

- Женька, быстро спать! Завтра не встанешь, проспишь в школу!

- Мам, ну, пожалуйста... Хочу досмотреть. Очень страшный фильм «Освенцим. Фабрика смерти». В нём идёт речь о детях, находившихся в концлагерях.

Мама молча присела рядом. Несколько минут мы тихо смотрели на экран. Там происходило что-то непостижимое для моего сознания: дети разных возрастов умирали в газовых камерах, их жестоко убивали. Это были любительские кадры, а значит, кто-то, наблюдая за этими зверствами, просто и спокойно снимал на камеру... Мама обернулась и как-то очень внимательно посмотрела на меня.

- Женька, я раньше не рассказывала тебе. Мой дедушка, а твой прадедушка, Александр Иванович Стульников, тоже был узником концлагеря. Ему в то время было четырнадцать, вот как тебе сейчас... Не любил дед говорить о том времени, да только от воспоминаний никуда не деться. И однажды он рассказал мне о далёком военном прошлом:

- В 1940 году мы всей семьёй – мама, я и брат – переехали на постоянное место жительства в город Нальчик. Соседом оказался мальчишка Егорка, он был моим ровесником. Семья его была родом из Польши. Мы подружились сразу. Стали просто неразлей вода.

В 1941 году 22 июня началась Великая Отечественная война. Не поверишь, Наташенька, как же были рады мы, мальчишки, этому волнующему событию. Глупые были! Несмышлёные! «Война, война! Ура!» - раздавалось тут и там на улицах города. Я, тринадцатилетний тогда, сломя голову нёсся домой, чтобы сообщить мамке эту сногшибательную новость, и ещё не понимал, что радоваться было нечему. Первое разочарование произошло тогда, когда нас с Егоркой на войну не взяли. А так хотелось.

Сначала Нальчик был тыловым городом, там открывались госпитали, предприятия перевелись на увеличенный рабочий день и начали выпускать продукцию для фронта. Летом 1942 года фашистские войска прорвались вглубь Северного Кавказа. Жители Нальчика – женщины, дети, подростки, мы с Егоркой в том числе днём и ночью копали противотанковые рвы, строили дзоты. Молодые женщины, привязывая грудных детей платком к спине, вместе со всеми рыли окопы. Огромное поле было усеяно трупами наших солдат. Мы с Егоркой ходили туда, копали братские могилы.

Будучи четырнадцатилетним пацаном, я стал членом партизанской бригады: вместе со взрослыми участвовал в разведывательной работе, занимался диверсиями, помогал старшим. Было с нами в отряде ещё несколько мальчишек. Мы нередко воровали у фашистов оружие. Однажды нашли гранату и два автомата. Только успели спрятать найденное в стоге сена, как появились немцы. К счастью, на нас, мальчишек, они не обратили внимания: им даже в голову не пришло, что такие юнцы вели подпольную работу и заготавливали оружие для партизан.

В отряде я получил должность связного. Партизаны не раз брали меня на серьёзные и опасные задания. Мне было нелегко выполнять порученное, я разносил сводки в соседние деревни, выходил на связь с подпольщиками. Неоднократно я просил о том, чтобы и Егора отправляли со мной на задания. Так хотелось, чтобы мы снова были вместе, чтобы и он тоже стал партизаном. На что командир отряда терпеливо отвечал:

- Сань, я не могу рисковать. Ты же знаешь, что они – поляки. Нельзя, слышишь? Нет!

- Ну и что, что поляки. Я за него ручаюсь! Он надёжный человек!

Такие разговоры заканчивались всегда отказом. Но однажды я решил поступить по-своему. Как-то вечером вызвал Егорку на улицу для серьёзного тайного разговора. Всё рассказал ему, ведь он же – друг до гроба! А значит, тоже должен быть партизаном.

Этой же ночью меня фашисты забрали, вырвали из рук кричащей матери и бросили в карцер. Там было сыро и темно. Когда глаза немножко привыкли к темноте, я разглядел множество маленьких детей и подростков, сильно испуганных и жавшихся по углам. Через несколько дней всех нас погрузили в товарные вагоны и куда-то повезли. Мы не знали, что самое страшное нас ждёт впереди...

Я ещё не понимал тогда, что случилось. Почему и за что вдруг немцы забрали именно меня? Кто мог донести о моей деятельности? Поиск ответов на эти вопросы не давал мне покоя. Я и мысли не мог допустить, что меня единственный друг предал... От осознания этого на душе было невыносимо гадко.

Однажды ночью эшелон остановился. Под крики «Шнель! Шнель!» нас погнали в сторону незнакомого города. Мы шли всю ночь и на рассвете увидели постройки, обнесённые колючей проволокой. Вот так я и попал в плен. Полтора года провел в концлагере – лагере смерти, уничтожения, опытов над людьми.

Ты знаешь, Наташа, я рад, что всё это уже глубоко в прошлом. Я рад, что сейчас - мирное время, и, дай-то Бог, чтобы так было всегда. Никому, даже самому ненавистному врагу, не пожелал бы испытать того ужаса.

Я попал в барак, где содержались дети, подростки и молодые люди от семи до восемнадцати лет. Вместо постели была солома, но мы и этому были рады. Подъём в пять утра, затем под конвоем шли на работу в подземелье, где функционировал немецкий завод. До позднего вечера работали. Из-за непосильного труда, издевательств, болезней и полного истощения дети умирали сотнями. Но самое страшное начиналось ближе к ночи. Немецкие офицеры заходили в барак, бесцеремонно стаскивали с нар первого попавшегося под руку ребёнка и волокли его куда-то по сырой земле, холодному полу. Этот дикий крик до сих пор стоит в ушах и часто снится по ночам...

Трижды и меня водили на расстрел. Трижды, дочка, я чудом его избегал. Наверное, материнская молитва спасала меня. А может, так Богу было угодно, чтобы я жил.

Однажды утром мы проснулись от звенящей тишины. Было уже семь часов, а нас никто не гнал на работу. Дверь закрыта. Дети испугались, стали кричать, подумали, что нас будут взрывать. Старшие, как могли, успокаивали младших. И тут мы услышали гул советских самолетов. Именно советских! Никогда в жизни я его не спутаю с другим.

Сочувствую нашим солдатам. То, что они увидели, освобождая нас, ужаснуло бы любого. Мы были малолетними стариками и старушками, одетыми в полосатые истончённые робы, обутыми в деревянные колодки. Большинство ребят были обриты наголо, во рту не

было зубов, тонкие руки, ноги походили на висящие картофельные плети, а безжизненные глаза смотрели с испугом...Так-то вот, милая моя...

Долгое время после освобождения я находился в госпитале, где меня лечили от дистрофии, вызванной истощением. А потом... Потом нами занялся НКВД – Народный Комиссариат Внутренних Дел. Подозревали в нас, детях, предателей Родины. Что могли мы рассказать, какую тайну выдать? Не знаю. Но потом отпустили, только взяли с нас обет молчания: о том, что были узниками концлагеря, никому никогда не говорить и в биографии не указывать. Вот так... В заключение могу сказать лишь одно: в семнадцать лет я был сед, как лунь...

Мама замолчала, а потом продолжила:

- Серым монотонным голосом дед рассказывал мне о своей жизни. Я помню, сынок, как его глаза затуманились, как на них выступили слёзы, не могла я спокойно смотреть на его дрожащие губы и руки. Он был там, в своём далёком прошлом, так безжалостно прошедшемся по его судьбе, оставившем неизгладимый след, который ничем уже не стереть. Помню, как сейчас, что слушала я деда, по-детски открыв рот, а потом громко зарыдала. Обняла крепко моего самого любимого человека, поцеловала его нежно в морщинистую щеку и твёрдо пообещала, что никогда не забуду того, что услышала.

Я молчал, не мог вымолвить ни слова.

- Знаешь, Женька, - сказала мама, - я уверена, что ты смог бы, как и наш Александр Иванович, справиться со всеми трудностями, самыми тяжёлыми испытаниями, потому что в тебе ведь течёт кровь твоего прадедушки.

И я вдруг понял:

- Да, смог бы! По-другому и быть не может!